

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «БУТКЕВИЧ против РОССИИ»

(жалоба № 5865/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

13 февраля 2018 года

Вступило в силу 2 июля 2018 г.

Настоящее постановление вступило в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Буткевич против России»,
Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая
Палатой в составе:
Хелена Йедерблом, *Председатель*,
Бранко Лубарда,
Луис Лопес Гуэрра,
Хелен Келлер,
Дмитрий Дедов,
Пере Пастор Виланова,
Алина Полачкова, *судьи*,
и Стефен Филлипс, Секретарь Секции,
проведя заседание за закрытыми дверями 23 января 2018 года,
вынес следующее постановление, утвержденное в тот же день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано на основании жалобы (№ 5865/07), поданной 17 января 2007 года против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – «Конвенция») гражданином Украины Максимом Александровичем Буткевичем¹ (далее – «заявитель»).

2. Интересы заявителя представлял Д. Макаров – адвокат, практикующий в г. Воронеже, Россия. Интересы властей Российской Федерации (далее – «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник М. Гальперин.

3. Заявитель утверждал, в частности, что его административный арест и задержка в освобождении из-под стражи являлись незаконными; что ему не была предоставлена возможность справедливого судебного разбирательства, и что вмешательство в его свободу выражения мнения было незаконным и несоразмерным.

4. 7 сентября 2015 года данные жалобы были коммуницированы Властям в соответствии с пунктом 1 статьи 5 и статьями 6 и 10 Конвенции, и остальная часть жалобы была объявлена неприемлемой в соответствии с пунктом 3 правила 54 Регламента Суда.

5. Власти Украины осуществили свое право на участие в этом деле в соответствии с пунктом 1 статьи 36 Конвенции и правилом 44 Регламента Суда.

6. Председатель Секции разрешил, в соответствии с пунктом 2 статьи 36 Конвенции и пунктом 3 правила 44 Регламента Суда,

---

¹ “Maksym Oleksandrovych Butkevych” согласно транскрипции имен в делах, касающихся Украины.

представить совместные замечания третьих сторон для «Инициативы правовой защиты средств массовой информации», СТАТЬЯ 19: Всемирная кампания за свободу слова (далее – «СТАТЬЯ 19») и Центра защиты средств массовой информации.

7. Российским властям и заявителю было разрешено далее дать комментарии в отношении замечаний третьих сторон.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Первый заявитель родился в 1977 году и проживает в г. Киеве, Украина.

A. Общие сведения и события 16 июля 2006 года

9. В своей жалобе в Суд заявитель указал, что на момент рассматриваемых событий он работал журналистом на украинском телевизионном канале. В июле 2006 года он вызвался добровольцем для освещения Саммита Большой восьмерки, который проводился в Ленинградской области, для Группы свободной информации и новостей (LINC). В его задачи входило распространение в сети Интернет пресс-релизов и информации о протестах, обеспечение связи журналистов и протестующих и освещение вопросов, поднимаемых активистами. В своих комментариях к замечаниям третьих сторон в Суде заявитель добавил, что в тот период он «принимал участие» в работе Независимого медиа-центра (*Indymedia*); перед саммитом Большой восьмерки он был освобожден от своих рабочих заданий на телевидении и «сосредоточился на медиа-работе» в рамках LINC.

10. По словам заявителя, в 08:30 16 июля 2006 года он очутился «рядом» с так называемым «антиглобалистским» маршем, который проходил на Невском проспекте в г. Санкт-Петербурге (см также п.п. 19 и 20 ниже). Он не был одет в какую-либо отличительную одежду и не имел значка журналиста. Он не принимал участия в протесте; его действия ограничивались наблюдением за людьми и фотографированием, включая моменты, когда полиция начала разгонять собравшихся и задерживать некоторых участников. Один из полицейских заметил, что он фотографирует, и приказал ему выключить камеру. По словам заявителя, он выполнил указанный приказ и ему не было дано других указаний; он не оказал никакого сопротивления полиции. В своих замечаниях в Суде заявитель указал, что представил свою пресс-карту, выданную Международной

федерацией журналистов, и объяснил свое присутствие на месте проведения мероприятия.

11. Из схожих рапортов двух полицейских следует, что они приблизились к заявителю и велели ему прекратить «незаконные действия»; несмотря на несколько предупреждений, заявитель отказался; затем ему приказали проследовать к полицейскому транспортному средству для доставки в отделение полиции. Несмотря на несколько предупреждений, он отказался, хватал полицейских за униформу, вел себя вызывающе и кричал. Затем он был силой доставлен к полицейскому автомобилю.

Б. Привлечение к административной ответственности за правонарушение

12. Протокол об административном доставлении был составлен в соответствии со статьей 27.2 Федерального кодекса об административных правонарушениях (далее - «КоАП»). В протоколе не были указаны основания для задержания.

13. Затем заявитель был подвергнут процедуре административного задержания в соответствии со статьей 27.3 КоАП. В протоколе был подчеркнут следующий предварительно напечатанный текст: «задержан с целью прекращения правонарушения, составления протокола об административном правонарушении, рассмотрения дела и т.д., согласно требованиям КоАП». В соответствии с протоколом, заявитель не подвергался личному обыску или досмотру личных вещей.

14. По словам Властей, когда заявитель был задержан и находился в отделении полиции, у него имелась иммиграционная карта с указанием «частного визита» к Т., проживающему в Москве, в качестве цели пребывания в России, а также имелись фотокопии украинского паспорта и шенгенской визы. Затем заявитель был допрошен и указал, что являлся журналистом и работал редактором в телевизионном канале «Студия 1+1». В связи с этим Власти подчеркнули, что материалы административного дела не содержали фотокопий документов, подтверждающих статус профессионального журналиста заявителя.

15. Очевидно, заявителю удалось связаться с адвокатом. Однако, по мнению заявителя, адвокат прибыл в полицейский участок в 9:15, но ему было позволено увидеть его только в 14:00.

16. Приблизительно в указанное время заявителю был предоставлен доступ к протоколу об административном правонарушении. В протоколе, составленном полицейским Ф., было указано, что заявитель был задержан по причине «участия в несанкционированной демонстрации на Невском проспекте, тем

самым создавая риск аварии и угрожая собственной жизни и здоровью и жизни других людей». В протоколе также было указано:

«Полицейский подошел [к заявителю], представился и попросил [заявителя] прекратить незаконные действия. Несмотря на неоднократные и законные приказы прекратить незаконные действия, [заявитель] отказался сделать это. Несмотря на неоднократные и законные приказы проследовать к полицейскому автомобилю, он также отказался, хватал полицейских за одежду и кричал. Для того, чтобы заставить его сесть в автомобиль, пришлось применить к нему физическую силу».

В протоколе также имелась следующая предварительно напечатанная строка с добавленным текстом от руки:

«Свидетели, понятые, потерпевшие: Го., [адрес]; Со., [адрес] ...»

17. Через несколько часов полицейский Д. составил новый протокол об административном правонарушении. Заявитель прочитал и подписал его приблизительно в 19:00. Согласно протоколу, заявитель был задержан, так как «не подчинился законному распоряжению полицейского». В протоколе также имелась следующая предварительно напечатанная строка с добавленным текстом от руки:

«Свидетели, понятые, потерпевшие: Бо., [адрес]; Ка., [адрес] ...»

18. Примерно в 20:30 заявитель предстал перед мировым судьей. Заявитель был обвинен в неподчинении двум распоряжениям полиции: (i) прекратить свое участие в несанкционированном шествии, и (ii) «добровольно» проследовать к полицейскому транспортному средству, как указано в постановлении, вынесенном мировым судьей.

19. В суде заявитель указал, что, прогуливаясь со своей подругой К., он заметил людей, бегущих по Невскому проспекту с плакатами; он последовал за ними, чтобы сделать фотографии.

20. Адвокат заявителя указал, что второй протокол, составленный полицией, существенно отличался от первоначального. Его попытки обеспечить включение такого протокола в материалы дела являлись безуспешными. Судья выслушал К., которая указала, что прогуливалась с заявителем в 08:30 16 июля 2006 года, когда они заметили людей, бегущих по Невскому проспекту; заявитель последовал за ними; она потеряла заявителя из виду и случайно нашла его, когда он был помещен в полицейский автомобиль; в тот момент он не оказывал сопротивления полиции.

21. По словам заявителя, суд отказался выслушать полицейских, которые задержали заявителя (далее - «задержавшие полицейские»), полицейских, составивших первоначальный и исправленный протоколы об административном правонарушении, или лиц, упомянутых в соответствующих протоколах (см. пункты 16-17 выше). По словам Властей, заявитель не ходатайствовал о допросе задержавших полицейских на суде.

22. В тот же вечер мировой судья признал заявителя виновным в соответствии со статьей 19.3 КоАП и приговорил его к трем дням ареста, начиная с 10:00 того же дня.

23. Суд опирался на (i) (второй) протокол об административном правонарушении, составленный органом, который инициировал преследование заявителя, и (ii) письменные показания задержавших полицейских, данные до суда.

24. Заявитель содержался под стражей в камере в отделении полиции в течение ночи и затем был переведен в специальный изолятор для отбывания наказания.

25. Несмотря на то, что постановление суда можно было обжаловать в течение десяти дней, заявитель подал апелляционную жалобу незамедлительно. Он также дал письменные показания, в которых было указано следующее:

«Действуя в качестве журналиста, 16 июля 2006 года я фотографировал общественное мероприятие. Я не думал, что нарушаю закон. Если я сделал это сам того не желая, то извиняюсь за это. В тот же день я был приговорен к лишению свободы сроком на три дня. Я ходатайствовал об освобождении перед апелляционным судом, в ходе рассмотрения моей апелляции. Прошу вас рассмотреть мою апелляцию в мое отсутствие, но с участием моего адвоката и представителя консульства Украины».

26. 18 июля 2006 года заявителя посетил должностное лицо из консульства Украины, и заявитель подписал несколько документов, поручив ему представлять его в апелляционной инстанции.

27. Консул ходатайствовал перед апелляционным судом о незамедлительном рассмотрении апелляции.

28. 18 июля 2006 года Куйбышевский районный суд г. Санкт-Петербурга заслушал указанного представителя, оставил приговор без изменений, но сократил приговор до двух дней ареста. Апелляционный суд постановил следующее:

«[Заявитель] в своей апелляции утверждал, что суд не принял во внимание то, что заявитель является журналистом и не принимал участие в так называемом «антиглобалистском» протесте; суд не заслушал свидетелей стороны обвинения, и постановление было основано исключительно на письменных показаниях полицейских, задержавших заявителя...»

Судья надлежащим образом оценил отчеты и показания соответствующих полицейских, включая показания К., которая была допрошена по ходатайству ответчика. Из показаний К. следует, что она не наблюдала момент задержания ответчика. У суда не имелось причин сомневаться в отчетах полицейских, так как они не были ранее знакомы с ответчиком и не имели причин давать ложные показания».

Суд апелляционной инстанции отметил, что его решение «подлежало немедленному исполнению».

29. По словам заявителя, он был освобожден в 16:00 в тот же день. В соответствии с журналом регистрации заключенных (копия

соответствующей выписки из такового не была представлена в настоящий Суд), Власти указали, что заявитель был освобожден в 10:00 18 июля 2006 года.

30. Заявитель ходатайствовал перед городским судом о пересмотре соответствующих постановлений в порядке надзора. Он утверждал, *помимо прочего*, что ему было отказано в возможности допроса задержавших его полицейских, отчеты которых являлись основным доказательством стороны обвинения. 13 ноября 2006 года заместитель председателя городского суда оставил данный приговор без изменений после рассмотрения в упрощенном порядке.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

А. Журналисты и общественные мероприятия

31. Раздел 6 Федерального закона «О собраниях, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» 2004 года определяет участников массового мероприятия как людей, которые добровольно принимают участие в мероприятии, и требует от них уважать общественную безопасность. В 2014 году в раздел 6 были внесены изменения, указывающие, что журналисты должны иметь документ, подтверждающий их «компетенции журналиста»; каждый журналист должен носить четкий отличительный знак, указывающий, что он или она является представителем средства массовой информации.

32. Закон о средствах массовой информации 1991 года определяет журналиста как лицо, (1), которое является сотрудником или имеет договорные отношения с зарегистрированным средством массовой информации или которое действует по их поручению, и (2) которое редактирует, создает и собирает информацию и данные для зарегистрированного средства массовой информации (раздел 2). Журналист имеет право присутствовать в местах собраний или во время демонстраций и осуществлять там фото-, аудио- и видеозапись (раздел 47). При исполнении служебных обязанностей журналист должен предъявить документ, удостоверяющий личность, а также документы, подтверждающие его статус журналиста (раздел 49).

Б. Административное доставление и административное задержание

33. КоАП разрешает компетентным органам власти обязать любое лицо следовать за сотрудником компетентных органов, например, в полицейский участок, для целей составления протокола об

административном правонарушении, когда это нельзя сделать на месте (статьи 27.1 и 27.2 КоАП об административном доставлении). Конституционный Суд постановил, что такая мера принуждения, которая сводится к временному ограничению свободы передвижения личности, должна применяться только, когда это необходимо и на короткий срок. Ссылаясь на понятие «лишение свободы» в смысле статьи 5 Конвенции, Конституционный Суд постановил, что соответствующие критерии, относящиеся к статье 5 Конвенции, «применимы в полном объеме» к данной мере (определение от 17 января 2012 года № 149-О-О).

34. В исключительных обстоятельствах, относящихся к необходимости в надлежащем и соответствующем рассмотрении административного дела, в отношении лица могут произвести административное задержание (Статья 27.3 КоАП). Задержанному лицу разъясняются его права и обязанности, о чем делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании. Срок такого задержания, как правило, не должен превышать трех часов. Административное задержание на более долгий период, не превышающий сорок восемь часов, разрешается только в отношении лиц, дела в отношении которых подлежат административному разбирательству по факту правонарушения, наказуемого административным задержанием, или правонарушений с незаконным пересечением российской границы. Данный срок исчисляется с момента доставления данного лица в отделение полиции в соответствии со статьей 27.2 КоАП (статья 27.5 КоАП). Конституционный Суд постановил, что такое задержание сводится к «лишению свободы», как это понимает Европейский Суд в значении подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции (Определение № 9-Р от 16 июня 2009 года).

35. Административное задержание осуществляется в соответствии с целями, перечисленными в подпункте (с) пункта 1 статьи 5 Европейской конвенции, а именно, оно должно быть осуществлено с целью доставки лица в компетентный орган в связи с обоснованным подозрением в совершении правонарушения, или в случае, когда сочтено необходимым предотвращение совершения им правонарушения или побега после совершения правонарушения (Постановление Конституционного Суда № 9-П от 16 июня 2009 года). Оценка законности задержания требует оценки основных признаков, влияющих на такую «законность», включая вопрос о том, являлась ли такая мера обоснованной с учетом преследуемых целей, и являлась ли она необходимой и разумной в обстоятельствах определенной ситуации ее применения. Административное задержание считается законным, если может быть обосновано характером соответствующего правонарушения с целью обеспечения исполнения постановления по

делу об административном правонарушении (решение Конституционного Суда № 1049-О от 2 июля 2013 года). Оценка причин/оснований, перечисленных в протоколе административного задержания (в зависимости от обстоятельств, в отношении требования компенсации в связи с таким задержанием), включая оценку того, являлось ли такое задержание единственной возможной мерой в отношении ответчика (там же).

36. В соответствии с Законом о милиции (Федеральный закон №1036-I от 18 апреля 1991 года²) милиция была уполномочена производить административное задержание (раздел 11(1)(5)).

В. Привлечение к административной ответственности за правонарушение

37. Конституционный Суд указал, что часть 2 статьи 118 и часть 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации предусматривают, что в ходе судопроизводства, включая судопроизводство в соответствии с КоАП, должны соблюдаться принципы состязательности и равноправия сторон (Решение № 630-О от 23 апреля 2013 года).

38. Статья 25.1 п. 4 КоАП предусматривает, что лицо, привлекаемое к ответственности в соответствии с КоАП, имеет право знакомиться с материалами дела, делать заявления, представлять доказательства, заявлять ходатайства и отводы, а также получать юридическую помощь. Конституционный Суд счел, что указанные выше гарантии дают преследуемому лицу право опровергать, в ходе судебного разбирательства, информацию, содержащуюся в материалах дела, например, в протоколе об административном правонарушении, тем самым осуществляя его или ее право на судебную защиту, основанную на принципе состязательности производства (решение № 925-О-О от 17 июня 2010 года).

39. Статья 28.1 КоАП предусматривает, что дело об административном правонарушении может быть возбуждено компетентным государственным должностным лицом, например, полицейским или прокурором.

40. Глава 25 КоАП содержит положения, касающиеся «участников производства по делам об административных правонарушениях», а именно лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, потерпевшего, их представителей и защитника, свидетелей, понятых, специалистов и экспертов, переводчиков, прокуроров. В частности, статья 25.11 предусматривает право прокурора возбуждать производство по делу об административном правонарушении; участвовать в рассмотрении дела

---

² Прим. пер.: в официальном тексте допущена опечатка, номер закона - 1026-I.

об административном правонарушении, представлять доказательства, заявлять ходатайства, давать заключения по вопросам, возникающим во время рассмотрения дела; приносить протест на постановление по делу об административном правонарушении независимо от участия в деле.

41. Должностное лицо, составившее протокол об административном правонарушении, или официальный/внесудебный орган, который вынес решение по делу, не рассматривается среди «участников» производства, указанных в статье 25 КоАП. Они не могут подавать ходатайства, но могут быть привлечены к слушаниям с целью «предоставления пояснений» (Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 25 марта 2005 года).

42. Что касается роли судьи в деле по административному правонарушению, Конституционный Суд указал, что в соответствии с установленным законом требованием «полного и объективного» рассмотрения дела, судья имеет законные полномочия заслушивать участников дела, изучать доказательства, а также «осуществлять иные необходимые процессуальные меры, направленные на проверку допустимости и достоверности доказательств, в частности, путем вызова по собственной инициативе свидетеля, в том числе должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении или другой связанный с ним протокол». Это направлено на более тщательное изучение имеющихся доказательств (протокола), а не на сбор новых доказательств. Указанные выше полномочия не могут считаться несовместимыми с судебной функцией и полностью соответствуют конституционному принципу состязательности сторон согласно КоАП (решение № 1086-О от 6 июля 2010 года; решение № 884-О от 29 мая 2012 года; решение № 1817-О от 18 сентября 2014 года и отдельное мнение судьи Арановского).

43. Статья 29.6 КоАП предусматривает, что дела должны быть рассмотрены в течение пятнадцати дней после получения судьей протокола об административном правонарушении или другого материала. Тем не менее, дела, в которых предусмотрено наказание в виде административного задержания, должны быть рассмотрены в день получения соответствующего протокола или другого материала; если было применено административное задержание, дело должно быть рассмотрено в течение сорока восьми часов после задержания ответчика.

Г. Доказательство по делу в соответствии с КоАП

44. Статья 1.5 КоАП предусматривает презумпцию невиновности. Должностное лицо или суд, рассматривающие дело об административном правонарушении, должны установить, является ли

рассматриваемое лицо виновным или невиновным (постановление № 5 от 24 марта 2005 года Пленума Верховного Суда России).

45. Статья 26.1 КоАП предусматривает, что следующие обстоятельства должны быть проверены в ходе рассмотрения дела: наличие события административного правонарушения; лицо, совершившее противоправные действия или бездействие, за которое предусмотрено наказание в соответствии с КоАП или законом субъекта РФ; виновность лица в совершении административного правонарушения; обстоятельства смягчающие или отягчающие административную ответственность; характер и объем ущерба, причиненного административным правонарушением; обстоятельства, исключающие производство по делу об административном правонарушении; иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела; а также причины правонарушения и условия совершения правонарушения.

46. Статья 26.2 КоАП определяет доказательство по делу КоАП в качестве фактических данных, которые могут способствовать установлению того, было ли совершено правонарушение, виновен ли ответчик, или других обстоятельств, которые могут быть важными для корректного рассмотрения дела. Вышеупомянутые фактические данные устанавливаются на основании протокола об административном правонарушении, другого протокола, составленного в соответствии с КоАП, вещественных доказательств, показаний потерпевшего, свидетеля или эксперта, или на основании других документов.

47. «Другие документы» могут включать видео- или аудиозаписи, или фотографии (Обзор судебной практики 1 (2014) за 24 декабря 2014 года Президиума Верховного Суда России).

48. Статья 26.7 предусматривает, что документы могут быть приняты в качестве доказательства, если данные, которые содержатся в них (что подтверждено соответствующими организациями, должностными лицами или гражданами), имеют отношение к делу.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

49. Заявитель жаловался в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции на то, что административное задержание являлось незаконным и несоразмерным, и что не имелось законного основания для его заключения под стражу после 10:00 18 июля 2006 года.

50. Пункт 1 статьи 5 Конвенции гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения ...»

А. Доводы сторон

1. Замечания заявителя

51. Заявитель утверждал, что не имелось исключительных обстоятельств, согласно требованиям статьи 27.3 КоАП, которые могут обосновать его административное задержание.

52. В своих жалобах, представленных в Суд, заявитель указал, что кроме официального основания в соответствии с законоположением, лишение свободы также должно соответствовать цели статьи 5 Конвенции для предупреждения случаев произвольного или необоснованного лишения свободы. Доставка заявителя в отделение полиции и его содержание под стражей в отделении полиции являлись произвольными и недобросовестными по следующим основаниям.

Во-первых, квалификация обвинения была выбрана произвольно для обоснования продолжительности содержания под стражей и поддержания работы полиции. В досудебных документах было явно указано, что заявитель был задержан за участие в «несанкционированном массовом мероприятии». Связанное правонарушение в соответствии со статьей 20.2 КоАП может обосновать задержание заявителя на срок не более трех часов. Тем не менее, полиция была не в состоянии обеспечить явку заявителя перед судьей в достаточно короткий срок, поэтому заявителю были предъявлены обвинения в неподчинении полиции, правонарушении, которое влечет за собой наказание согласно статье 19.3 КоАП и допускает предварительное содержание заявителя под стражей до сорока восьми часов. Заявителю было сообщено о такой юридической квалификации более чем через пять часов после его задержания, посредством нового и исправленного протокола об административном правонарушении.

Во-вторых, произвольный характер задержания подтвержден тем фактом, что обвинения не были обоснованы обстоятельствами, но были предназначены для сдерживающего эффекта в отношении

участников и наблюдателей массового мероприятия. Наказание за поведение, связанное с массовыми мероприятиями, главным образом предусмотрено в статье 20.2 КоАП, которая по состоянию на момент соответствующих событий предусматривала более мягкое наказание в виде штрафов, в отличие от статьи 19.3, и не предусматривала более продолжительный период предварительного содержания под стражей или приговор в виде лишения свободы, предусмотренный статьей 19.3. По состоянию на момент рассматриваемых событий власти предпочли привлечь к ответственности в соответствии со статьей 19.3 по отдельности или даже совместно со статьей 20.2, в отношении, по существу, таких же фактических обстоятельств.

53. Наконец, заявитель указал, что он был освобожден приблизительно в 16:00 18 июля 2006 года, и предположительно в это время постановление суда было получено администрацией следственного изолятора, тогда как его уточненное наказание считалось полностью отбытым в 10:00 в тот же день.

2. Замечания Властей

54. Власти указали, что заявитель был задержан после отказа, несмотря на повторные распоряжения полицейских прекратить участие в незаконном массовом мероприятии, и его отказа «добровольно следовать» за полицейским в отделение полиции. Указанные отказы привели к неподчинению законному требованию полицейского, что является правонарушением в соответствии со статьей 19.3 КоАП. Совершение такого правонарушения заявителем являлось основанием для его административного задержания. Также заявитель оказывал сопротивление – он хватал полицейских за форму и кричал. Таким образом, полицейские были вынуждены применить силу и поместить его в полицейский автомобиль и доставить его в отделение полиции. Целью указанных действий являлось обеспечение выполнения процессуальных требований в отношении правонарушения и передачи соответствующего дела в суд. Доставка заявителя в отделение полиции соответствовала разделам 10 и 11 Закона о милиции 1991 года (см. пункт 36 выше).

55. Когда заявитель был задержан и находился в отделении полиции, у него имелась иммиграционная карта с указанием «частного визита» к Т., проживающему в Москве, в качестве цели пребывания в России, а также имелись фотокопии украинского паспорта и шенгенской визы. Затем заявитель был допрошен и указал, что являлся журналистом и работал редактором телевизионного канала Студия 1+1; он не принимал участия в массовом мероприятии на Невском проспекте, но делал фотографии. В связи с этим Власти указали, что материалы административного дела в настоящее время не содержат

фотокопий документов, подтверждающих профессиональный статус заявителя.

56. Власти объяснили, что административное доставление и административное задержание в соответствии с российским КоАП были направлены на прекращение административного правонарушения, подтверждение личности, составление протокола об административном правонарушении, если это не было практически возможно на месте, а также на обеспечение своевременного и корректного рассмотрения дела, и на обеспечение исполнения вынесенного постановления. Административное задержание заявителя преследовало цели, перечисленные в подпункте (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции, а именно, его доставку в компетентный орган в связи с обоснованным подозрением в совершении (административного) правонарушения. Что касается российского законодательства, цель административного задержания заключалась в обеспечении производства по делу об административном правонарушении.

57. Апелляционный суд сократил срок наказания в виде ареста до двух дней, принимая во внимание пассивную роль заявителя в незаконном массовом мероприятии, а также его признание своей вины. Из журнала регистрации заключенных следует, что заявитель был освобожден в 10:00 18 июля 2006 года. Таким образом, он отбыл наказание с учетом поправок, принятых в апелляционном порядке, и задержки в его освобождении не было. Данные о каждом задержанном лице, включая дату прибытия и дату освобождения, документируются в личном деле, которое составляется в каждом случае. Тем не менее, дело заявителя было уничтожено 22 июля 2010 года вместе с другими делами за тот же период, после истечения законного срока хранения таких документов.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость и предмет жалоб

58. Суд отмечает, что первоначальная жалоба заявителя, поданная 17 января 2007 года и коммуницированная Властям государства-ответчика, относилась к требованию в соответствии со статьей 27.3 КоАП в отношении наличия «исключительных обстоятельств» для законности административного задержания.

59. В своих замечаниях заявитель указал аргументы, относящиеся к произвольному лишению свободы, примененному недобросовестно и на фиктивных основаниях (см. пункт 52 выше). Указанный аспект не включает рассмотрение первоначальной жалобы и, следовательно, является поданной с опозданием в 2016 году. Следовательно, новая

жалоба была подана с нарушением срока и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

60. Что касается первоначальной жалобы, а также вопроса об освобождении с опозданием, Суд отмечает, что указанные жалобы не являются явно необоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Поэтому они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалобы

(а) Административное задержание

61. Суд отмечает, что заявитель был сначала доставлен в отделение полиции, посредством обращения к процедуре доставления в соответствии со статьей 27.2 КоАП, и затем, когда он находился в отделении полиции, он был подвергнут процедуре административного задержания в соответствии со статьей 27.3 КоАП. В протоколе об административном доставлении не было указано определенной причины для применения к заявителю принуждения в рамках указанной процедуры.

62. Статья 27.2 предусматривает, что подозреваемый в совершении правонарушения может быть доставлен в отделение полиции с целью составления протокола об административном правонарушении исключительно в случае, когда такой протокол не может быть составлен на месте обнаружения соответствующего правонарушения. Заявитель утверждал, что вышеупомянутое положение не было соблюдено в настоящем деле (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалобы №№ 57818/09 и 14 других жалоб, пункт 489).

63. В то же время, ни внутригосударственные органы власти, ни Власти государства-ответчика не указали оснований, требуемых согласно статье 27.3 Кодекса, для административного задержания, а именно, что имели место «исключительные обстоятельства» и/или это было «необходимо для безотлагательного и надлежащего рассмотрения административного дела и обеспечения исполнения наложенного наказания». Принимая во внимание толкование Конституционным Судом РФ (см. пункт 35 выше), вышеприведенные соображения являлись обязательными элементами в отношении законности соответствующего лишения свободы (см. постановление по делу *Лашманкина и других*, упомянутое выше, пункт 490; см. для сравнения, несмотря на отличающийся контекст; постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против России» (*Gusinskiy v. Russia*), жалоба № 70276/01, пункты 63-65, ECHR 2004-IV; и

постановление Европейского Суда от 28 марта 2017 года по делу «Волчкова и Миронов против России» (*Volchkova and Mironov v. Russia*), жалобы №№ 45668/05 и 2292/06, пункт 106 от 28 марта 2017 года).

64. Внутригосударственные органы власти обязаны убедиться, что лишение свободы «считается обоснованно необходимым» в обстоятельствах дела «для предотвращения того, что [лицо] совершит правонарушение или скроется после совершения такового». В то же время органы власти должны учитывать, что мера была применена в контексте административного правонарушения, и, возможно, в контексте осуществления фундаментального права или свободы, таких как свобода выражения мнения или свобода мирных собраний. В соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, для того, чтобы лишение свободы не считалось произвольным, недостаточно принятия такой меры в соответствии с внутригосударственным законодательством; она также должна быть необходимой в соответствующих обстоятельствах (см. постановление Европейского Суда от 27 февраля 2007 года по делу «Нестак против Словакии» (*Nešťák v. Slovakia*), жалоба № 65559/01, пункт 74). Заключение под стражу в соответствии с подпунктом (с) пункта 1 статьи 5 должно соответствовать требованию соразмерности (см. постановление Европейского Суда от 18 марта 2008 года по делу «Ладент против Польши» (*Ladent v. Poland*, жалоба № 11036/03, пункт 55), которое включает обоснованное решение с балансом соответствующих аргументов за и против освобождения (см. постановление Европейского Суда от 17 октября 2013 года по делу «Таран против Украины» (*Taran v. Ukraine*), жалоба № 31898/06, пункт 68).

65. По указанным причинам Суд не удовлетворен тем, что административное задержание заявителя соответствовало российскому законодательству, так как оно также должно являться «законным» по смыслу подпункта (с) пункта 1 статьи 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 5.

(б) Задержка освобождения

66. Власти обязаны предоставить, со ссылкой на удовлетворительные и убедительные письменные доказательства, подробный отчет об административном задержании заявителя и о времени его освобождения (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 23 февраля 2012 года по делу «Креанга против Румынии» (*Creangă v. Romania*), жалоба № 29226/03, пункт 90). Это не было сделано в настоящем деле. В частности, Власти не представили выписку из журнала, на который они ссылались. В таких обстоятельствах Суд считает, что заявитель оставался лишенным свободы до 16:00 18 июля 2006 года (см., для сравнения,

постановление Европейского Суда от 28 октября 2010 года по делу «Борис Попов против России» (*Boris Popov v. Russia*), жалоба № 23284/04, пункт 75). Не оспаривается тот факт, что наказание заявителя было полностью отбыто в 10:00 в тот же день. После этого его содержание под стражей более не являлось обоснованным в соответствии с подпунктом (а) пункта 1 статьи 5 Конвенции.

67. В связи с этим Суд напоминает, что некоторая задержка в исполнении решения об освобождении заключенного из-под стражи понятна и часто неизбежна ввиду практических соображений организации работы судов и соблюдения конкретных формальностей. Тем не менее, внутригосударственные органы власти должны принимать меры для ее минимизации (см. постановление Европейского Суда по делу «Руслан Яковенко против Украины» (*Ruslan Yakovenko v. Ukraine*), жалоба № 5425/11, пункт 68, ECHR 2015, с дальнейшими ссылками). Административные формальности, связанные с освобождением, не могут обосновать задержку более чем на несколько часов (там же; см. также постановление Европейского Суда от 22 марта 1995 года по делу «Квин против Франции» (*Quinn v. France*), пункты 39-43, Серия А № 311, в котором Суд установил, что задержка на одиннадцать часов при исполнении решения об освобождении заявителя «немедленно» являлась несовместимой с пунктом 1 статьи 5 Конвенции). В настоящем деле Суд не усматривает обоснования для шестичасовой задержки. Ничего не говорит о том, что имели место определенные трудности в отношении обеспечения немедленного освобождения заявителя в соответствии с требованиями апелляционного суда (см. пункт 28 выше), который находился в том же городе, что и соответствующий изолятор (см., в аналогичном контексте, постановление Европейского Суда от 28 февраля 2017 года по делу «Биволару против Румынии» (*Bivolaru v. Romania*), жалоба № 28796/04, пункты 103-07).

68. Таким образом, в данном отношении также имело место нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

69. Заявитель жаловался на нарушение статьи 6 Конвенции, так как ему не была предоставлена возможность справедливого судебного разбирательства, проведенного беспристрастным судом в ходе разбирательств по вопросу об административном правонарушении в отношении заявителя.

В соответствующей части статья 6 Конвенции гласит:

«1. Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела ... независимым и беспристрастным судом ...

3. Всякий обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, следующие права:

(а) быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения;

(b) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты;

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него; ...»

А. Приемлемость жалобы

70. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Аргументы сторон

(а) Власти

71. Власти указали, что заявитель был информирован о своих процессуальных правах, разрешил украинскому консулу представлять его в ходе слушания по апелляции, и провел допрос свидетелей Б. и К. Следовательно, ему была предоставлена надлежащая возможность оспорить негативную информацию, представленную в протоколе об административном правонарушении и отчетах полицейских.

72. Полицейские, которые составили протоколы об административном правонарушении, или представили материалы дела в суд, не рассматривались в качестве сторон судебного разбирательства и им не было разрешено подавать ходатайства. В то же время, они могли быть заслушаны судом, при необходимости, с целью предоставления пояснений.

73. Заявитель не обращался к суду с ходатайством о заслушивании показаний задержавших полицейских или полицейского.

74. Информация, представленная в рапортах полицейских, являлась письменным доказательством. Она не приравнивалась к «свидетельским показаниям», так как указанные рапорты не были

составлены после предупреждения о даче ложных показаний. Тем не менее, такие рапорты могли быть использованы для установления соответствующих фактических и юридических элементов дела, а также вины ответчика. Рапорты полицейских являлись «документами», которые могли являться доказательствами в деле согласно КоАП (см. пункты 46-48 выше).

75. Суд надлежащим образом рассмотрел представленные доказательства и не принимал активных мер, таких как сбор новых доказательств.

(б) Заявитель

76. Заявитель возразил, что ему было отказано в возможности допросить полицейских, которые предоставили основание для его преследования (а именно тех, которые предположительно изменили протокол об административном правонарушении); полицейских, которые задержали его и письменные рапорты которых являлись основанием для признания его виновным; или лиц, указанных в соответствующем протоколе. До начала суда ему не сообщили, какие именно обвинения были выдвинуты против него.

77. Протокол об административном правонарушении, составленный полицией, рассматривался в качестве доказательства. В соответствии с решениями суда и замечаниями Властей, было сочтено, что вина заявителя была установлена на основании указанного протокола и рапортов полицейских.

78. Принимая во внимание отсутствие стороны обвинения в деле согласно КоАП, соответствующие судебные разбирательства не были проведены в соответствии с принципом равенства и состязательности сторон; суд не отвечал требованиям к независимости и беспристрастности. Более того, судья являлся необъективным, так как уже выносил постановления в тот же день, объявив виновными нескольких человек, которые были задержаны в связи с тем же массовым мероприятием; указанные постановления были основаны на показаниях полицейских, идентичных рапортам полицейских, которые были рассмотрены в деле заявителя.

79. Апелляционные и надзорные разбирательства не привели к устранению недостатков, возникших в ходе судебного производства. Апелляционный суд также отказал в заслушивании Б. в качестве свидетеля.

80. Рапорты полицейских не были составлены под присягой и не рассматривались в качестве свидетельских показаний. Тем не менее, они стали основанием для признания заявителя виновным, и им был необоснованно придан более значимый вес, чем просто фактическим свидетельским показаниям.

2. Оценка обстоятельств дела Европейским Судом

81. Заявитель поднял два отдельных, но взаимосвязанных вопроса: (i) предполагаемое нарушение его права на «справедливое слушание» по причине различных процессуальных недостатков и нарушение минимальных прав, перечисленных в пункте 3 статьи 6, а также по причине отсутствия стороны обвинения в деле согласно КоАП; он, в частности, ссылаясь на принципы равенства и состязательности сторон; и (ii) предполагаемое требование к беспристрастности по причине отсутствия стороны обвинения в деле согласно КоАП.

(а) Беспристрастность

82. Во-первых, Суд отклоняет как необоснованные утверждения заявителя о том, что требование к субъективной беспристрастности было нарушено, так как судья уже выносил постановления в тот же день, объявив виновными нескольких человек, которые были задержаны в связи с тем же массовым мероприятием; и что указанные постановления были основаны на показаниях полицейских, идентичных отчетам полицейских, которые были рассмотрены в деле заявителя.

83. Что касается требования объективной беспристрастности, Суд ранее рассматривал этот вопрос и обнаружил нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции по причине отсутствия стороны обвинения в контексте устных слушаний, приведших к определению административных обвинений (см. постановление Европейского Суда от 20 сентября 2016 года по делу «Карелин против России» (*Karelin v. Russia*), жалоба № 926/08, пункты 69-84). Суд отмечает, что обязательные фактические и юридические элементы настоящего дела и дела Карелина (там же, пункты 59-68) являются схожими. Замечания сторон в настоящем деле не содержат оснований для отклонения Суда от постановления, вынесенного ранее.

84. Следовательно, имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования к объективной беспристрастности.

(б) Справедливость

85. Теперь Суд рассмотрит основные жалобы заявителя в отношении предполагаемого несоблюдения требования справедливости (см. пункты 76-80 выше).

(i) Общие принципы

86. Право на справедливое судебное разбирательство согласно пункту 1 статьи 6 является неограниченным правом. Однако, то, что представляет собой справедливый суд, не может быть определено

одним неизменным правилом, а должно зависеть от обстоятельств каждого конкретного дела (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «О’Халлоран и Францис против Соединенного Королевства» (*O’Halloran and Francis v. the United Kingdom*), жалобы №№ 15809/02 и 25624/02, пункт 53, ECHR 2007-III). Что касается соблюдения статьи 6 Конвенции, основная проблема заключается в оценке общей справедливости уголовного судопроизводства (см., в числе прочих источников, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Такскует против Бельгии» (*Taxquet v. Belgium*), жалоба № 926/05, пункт 84, ECHR 2010; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Щачашвили против Германии» (*Schatschaschwili v. Germany*), жалоба № 9154/10, пункт 101, ECHR 2015; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ибрагим и другие против Соединенного Королевства» (*Ibrahim and Others v. the United Kingdom*), жалобы №№ 50541/08 и 3 других, пункт 250, ECHR 2016).

87. Соблюдение требований справедливого судебного разбирательства должно быть рассмотрено в каждом случае с учетом развития соответствующих судебных разбирательств в целом, а не на основании изолированного рассмотрения одного аспекта или одного инцидента, хотя нельзя исключать, что определенный фактор может быть достаточно решающим, чтобы позволить оценку справедливости суда на более раннем этапе судебных разбирательств. При оценке общей справедливости судебных разбирательств, Суд принимает во внимание, в зависимости от обстоятельств, минимальные права, перечисленные в пункте 3 статьи 6, которые иллюстрируют требования к справедливому суду в отношении типичных процессуальных ситуаций, возникающих в уголовных делах (см. постановление по делу Ибрахима и других, упомянутое выше, пункт 251). Следовательно, они могут рассматриваться в качестве определенных аспектов концепции справедливого суда в уголовном судопроизводстве в пункте 1 статьи 6 (там же, с дальнейшими ссылками). Тем не менее, указанные минимальные права сами по себе не являются целями: их подлинная цель всегда заключается в обеспечении справедливости уголовного судопроизводства в целом (там же, пункт 251).

88. Общие требования к справедливости, приведенные в статье 6, применяются ко всему уголовному судопроизводству, независимо от типа правонарушения. Нельзя поднимать вопрос об ограничении прав на справедливый суд по той единственной причине, что соответствующие лица подозреваются в участии в террористической деятельности (см. постановление по делу Ибрахима и других, упомянутое выше, пункт 252). Тем не менее, при определении того, являлись ли судебные разбирательства в целом справедливыми, может

быть принята во внимание значимость общественного интереса в отношении расследования и наказания рассматриваемого правонарушения (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джаллох против Германии» (*Jalloh v. Germany*), жалоба № 54810/00, пункт 97, ECHR 2006-IX).

89. Несмотря на мнение о том, что за уголовным судопроизводством, которое связано с распределением уголовной ответственности и наложением штрафной и предотвращающей санкции, закреплена определенная тяжесть преступлений, очевидно, что существуют уголовные дела, не несущие значительной степени осуждения. Существуют «уголовные обвинения» различного веса. Более того, автономное толкование понятия «уголовное обвинение», принятое Судом, обосновывает постепенное распространение уголовной части на дела, которые не относятся строго к традиционным категориям уголовного права, к примеру, административные наказания, тюремное дисциплинарное производство, таможенное право, конкурсное право и наказания, наложенные судом, который обладает юрисдикцией в финансовых вопросах (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джуссила против Финляндии» (*Jussila v. Finland*), жалоба № 73053/01, пункт 43, ECHR 2006-XIV).

90. Следующие принципы относятся к вопросу об оспаривании доказательств стороны обвинения, включая «свидетельские показания»:

(а) В подпункте (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции закреплён принцип, согласно которому до вынесения приговора все доказательства против обвиняемого должны быть предъявлены в его присутствии на открытом слушании для состязательных доводов. Исключения из этого принципа возможны, если они не нарушают права на защиту, которые требуют, чтобы ответчику была предоставлена адекватная и надлежащая возможность оспорить показания свидетеля и допросить его во время дачи показаний или на более поздней стадии судебного разбирательства (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против России» (*Blokhin v. Russia*), жалоба № 47152/06, пункт 200, ECHR 2016). Более того, с учетом прецедентной практики Суда (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Щачашвили против Германии» (*Schatschaschwili v. Germany*), жалоба № 9154/10, пункты 111-31, ECHR 2015), во-первых, должна иметься веская причина для неявки свидетеля. Во-вторых, если обвинение основывается только или главным образом на показаниях лица, которого заявитель не мог каким-либо образом допросить на этапе расследования либо в ходе судебного заседания, права защиты ограничены в большей степени, чем допустимо статьей 6. В случае если обвинение основано

полностью или в решающей степени на показаниях отсутствующего свидетеля, Суд должен подвергнуть такое разбирательство наиболее тщательному рассмотрению. В каждом случае вопрос состоит в том, имеются ли достаточные уравнивающие факторы, включая меры, обеспечивающие возможность проведения справедливой и верной оценки надежности таких доказательств. В таком случае обвинительный приговор основывался бы на таких доказательствах только в том случае, если они являлись бы достаточно надежными с учетом их важности для дела.

(b) Отсутствие уважительных причин для неявки свидетеля в суд само по себе не приводит к несправедливости суда, хотя остается очень важным фактором, который необходимо учитывать при оценке общей справедливости судебного разбирательства, и который может склонить чашу весов в пользу установления нарушения пункта 1 и подпункта (d) пункта 3 статьи 6. Учитывая, что основная задача заключается в том, чтобы выяснить, было ли судебное разбирательство в целом справедливым, Суд должен рассмотреть наличие достаточных уравнивающих факторов не только в тех случаях, когда доказательства, представленные свидетелем, не явившимся на судебное заседание, были единственным или решающим основанием для вынесения приговора обвиняемому. Также это должно быть сделано в делах, в которых неясно, является ли рассматриваемое доказательство единственным или решающим, но тем не менее, Суд удовлетворен тем, что такое доказательство обладает значительным весом и его принятие может поставить сторону защиты в невыгодное положение. Наличие уравнивающих факторов, необходимых для рассмотрения судебного разбирательства в качестве справедливого, будет зависеть от весомости доказательств, представленных свидетелем, не явившимся на судебное заседание. Чем важнее такое доказательство, тем большей весомостью будет обладать уравнивающий фактор для рассмотрения судебного разбирательства в целом в качестве справедливого (см. постановление Европейского Суда от 12 сентября 2016 года по делу «Сетон против Соединенного Королевства» (*Seton v. the United Kingdom*), жалоба № 55287/10, пункт 59).

(c) Понятие «свидетеля» толкуется автономно от его значения в национальном законодательстве Договаривающихся государств. Несмотря на то, что формулировка, приведенная в подпункте (d) пункта 3 статьи 6, относится к «свидетелям», а не к экспертам, гарантии, приведенные в пункте 3, являются неотъемлемыми аспектами права на справедливый суд, предусмотренного в пункте 1 статьи 6.

Таким образом, что касается оспаривания экспертных доказательств и связанного опроса экспертов, Суд заключил, что право лица,

которому предъявлены обвинения в совершении уголовного преступления, на опрос экспертов защищено в соответствии с общим принципом, определенным в пункте 1 статьи 6, и подлежит рассмотрению в соответствии с указанным параграфом, «с надлежащим учетом гарантий, предусмотренных в пункте 3» (см., в качестве последнего источника, постановление Европейского Суда от 6 октября 2016 года по делу «Константинидес против Греции» (*Constantinides v. Greece*), жалоба № 76438/12, пункт 37, с дальнейшими ссылками). Заключение эксперта, назначенного компетентным судом для рассмотрения вопросов, поднятых в деле, должно иметь существенные последствия для оценки дела судом. Если суд принимает решение о том, что необходимо проведение экспертизы, стороне защиты должна быть предоставлена возможность задать вопросы экспертам с целью оспаривания их заключений и допроса экспертов непосредственно на суде (там же, пункт 38, с дальнейшими ссылками).

К примеру, что касается оспаривания доказательств, полученных с помощью прослушивания телефонных переговоров, Суд отметил, что лицо, переговоры которого были записаны, не может быть описано в качестве «свидетеля стороны обвинения» в том же смысле, в котором отсутствующие свидетели в делах, такие как дело Щачашвили (упомянутое выше), рассматривались в качестве свидетелей стороны обвинения. Тем не менее, так как его показания использовались стороной обвинения для опровержения единственной защиты, использованной заявителем на суде, Суд заключил, что принципы, установленные в указанных делах, применялись в равной степени к фактам рассматриваемого дела (см. постановление по делу Сетона, упомянутое выше, пункт 60).

(ii) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

91. Суд отмечает, что досудебная процедура в деле заявителя длилась с 10:00 ч. до 20:00. Протокол об административном правонарушении, составленный полицией и подписанный заявителем в течение указанного периода времени, содержал указание о том, что заявитель совершил правонарушение в соответствии со статьей 19.3 КоАП. Полиция приняла решение передать дело судье в тот же вечер. В тот же вечер суд первой инстанции признал заявителя виновным. Дело заявителя было рассмотрено в ускоренном порядке в соответствии с КоАП РФ: в делах, касающихся обвинения в совершении административного правонарушения, наказуемого административным арестом, от сотрудников полиции требовалось передать дело об административном правонарушении в суд сразу же после его составления, а от суда требовалось рассмотреть дело в тот же

день или в течение 48 часов с момента задержания ответчика. По-видимому, перенос не являлся возможным (см. пункт 43 выше).

92. В связи с этим Суд повторяет, что обращение к указанной процедуре в случае, когда должно быть определено «уголовное обвинение», само по себе не противоречит статье 6 Конвенции, пока такая процедура предоставляет необходимые средства защиты и гарантии (см. постановление Европейского Суда от 30 мая 2013 года по делу «Малофеева против России» (*Malofeyeva v. Russia*), жалоба № 36673/04, пункт 115, и постановление Европейского Суда от 21 декабря 2006 года по делу «Борисова против Болгарии» (*Borisova v. Bulgaria*), жалоба № 56891/00, пункт 40).

93. Обращаясь к вопросу процессуальных средств защиты и гарантий, в первую очередь, не было указано оснований для задержки полицией встречи заявителя и адвоката (см. пункт 15 выше). Что касается судебных разбирательств, отмечено, что имело место устное слушание, в ходе которого заявителю была оказана помощь его адвокатом. Мировой судья заслушал заявления заявителя, который заявил о своей невиновности, а также заявления его адвоката. Суд также удовлетворил ходатайство стороны защиты и допросил свидетеля, который присутствовал в зале суда (см. пункт 20 выше). Не были заслушаны свидетели стороны обвинения или государственные должностные лица. Как указано выше, в деле не имелось стороны обвинения. Что касается судебных разбирательств по апелляции, которые были проведены вскоре после суда, заявитель принял решение не принимать участие в слушании по апелляции, но был представлен в суде украинским консулом. Неясно, изменил ли заявитель свои заявления о невиновности в ходе судебных разбирательств по апелляции, и добивался ли исключительно сокращения приговора (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 15 октября 2015 года по делу «Гафгаз Маммадов против Азербайджана» (*Gafgaz Mammadov v. Azerbaijan*), жалоба № 60259/11, пункт 86). Тем не менее, по-видимому, замечания заявителя (см. пункт 25 выше) были неверно истолкованы апелляционным судом. Несмотря на это, не оспаривается тот факт, что его замечания, представленные в апелляционный суд, были ограничены целью уменьшения наказания, назначенного в приговоре. Наконец, отмечено, что вышестоящий суд пересмотрел решения нижестоящих судов на основании материалов дела.

94. Суд отмечает, что заявитель был признан виновным, по существу, с отсылкой к протоколу об административном правонарушении и досудебным отчетам, составленным полицейскими, которые задержали заявителя. Что касается протокола об административном правонарушении, Суд отмечает, что он также был составлен полицией, инициировавшей судебные разбирательства в отношении заявителя и передавшей дело в суд. По-видимому, по

существо протокол об административном правонарушении привел к обвинительному заключению, так как в нем были определены обвинения, которые затем подлежали определению судом. Другие документы в материалах дела, такие как протоколы об административном доставлении и административном задержании, по-видимому, не имели определенной доказательной ценности в отношении вопроса о вине ответчика.

95. Что касается полицейских, которые составили протокол об административном правонарушении (см. пункты 16-17 выше), не оспаривается тот факт, что сторона защиты подала безуспешное ходатайство об их допросе на суде. Заявитель объяснил, в национальных судах и в Суде, что их устные показания могли разъяснить обстоятельства составления протокола об административном правонарушении, в котором были определены основания для рассмотрения соответствующих обвинений. Нельзя сказать, что их показания в отношении определенного аспекта дела являлись бы решающими в отношении обвинений, выдвинутых против заявителя: он был подвергнут преследованию на основании протокола, который был фактически передан в суд для рассмотрения. Заявитель имел доступ к указанному протоколу и был в состоянии построить свою защиту на основании такового.

96. В то же время, отсутствие указанных полицейских на устном слушании не являлось благоприятным для предоставления стороне защиты соответствующей возможности представить дело в ходе состязательного процесса (см., в том же отношении, постановление по делу Гафгаза Маммадова, упомянутое выше, пункт 81).

97. Основной аргумент заявителя относится к использованию досудебных рапортов, представленных двумя задержавшими полицейскими, и к отсутствию возможности допросить их. В связи с этим Власти указали, без представления определенного юридического аргумента, что указанные полицейские не были допрошены на суде, так как сторона защиты не ходатайствовала об их допросе. Не имеется доказательств, позволяющих подтвердить аргумент заявителя о том, что сторона защиты добивалась, хоть и безуспешно, допроса на суде полицейских, осуществивших задержание. Несмотря на то, что он не добивался допроса полицейских на апелляционном слушании, заявитель продолжал поднимать указанный вопрос в своей апелляции и затем в заявлении о пересмотре. Он возразил, что не имел возможности допросить их, или обеспечить их допрос в ходе суда или до суда (см., в том же отношении, постановление Европейского Суда от 5 декабря 2002 года по делу «Кракси против Италии (№1)» (*Craxi v. Italy (no. 1)*), жалоба № 34896/97, пункты 90-93). Дополнительно, настаивая на том, что соответствующие рапорты не являлись «свидетельскими показаниями» в соответствии с КоАП (так как они не

представляли собой показания, предоставленные компетентному должностному лицу и не были составлены под присягой), Власти не пояснили, являлось ли вообще допустимым в соответствии с КоАП заявлять о праве на допрос полицейских, осуществивших задержание, в ходе открытого заседания суда в связи с такими рапортами. В связи с этим отмечается, что постановление Верховного Суда от 2005 года предусматривает такую возможность в отношении должностных лиц, которые составляют протокол об административном правонарушении, но не включает упоминания о полицейских, осуществляющих задержание (см. пункт 41 выше).

98. Суд принял во внимание замечание Властей о том, что указанные полицейские не являлись ни свидетелями, ни потерпевшими в отношении соответствующего правонарушения в соответствии с КоАП. Тем не менее, в степени, связанной с понятием «свидетеля» согласно подпункту (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции, их следует рассматривать в качестве «свидетелей», а именно, в качестве «свидетелей против [ответчика]». Суд считает, что не имеется существенной разницы между показаниями «свидетеля», взятыми следователем в рамках уголовного дела, к примеру, и отчетом, составленным полицейским для вышестоящего должностного лица (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 10 июня 2010 года по делу «Шаркунов и Мезенцев против России» (*Sharkunov and Mezentsev v. Russia*), жалоба № 75330/01, пункт 111, и постановление Европейского Суда от 11 декабря 2008 года по делу «Мирилашвили против России» (*Mirilashvili v. Russia*), жалоба № 6293/04, пункт 159).

99. Суд считает, что не имелось надлежащей причины для неявки в суд полицейских, которые задержали заявителя. Их показания против заявителя, как минимум, являлись решающими. Указанные полицейские находились у истоков судебных разбирательств в отношении заявителя и являлись сотрудниками органа власти, который инициировал такие разбирательства. Они являлись очевидцами предполагаемого участия заявителя в незаконном массовом мероприятии и его предполагаемого отказа от выполнения их законных распоряжений.

100. Суд принял во внимание замечание Властей о том, что полицейские представили свои рапорты самостоятельно, без предварительного оповещения третьей стороны в отношении дачи ложных показаний (см. пункт 74 выше; сравните с подходом в отношении инкриминирующих показаний, примененным соответчиками в уголовных делах, см. постановление Европейского Суда от 23 октября 2012 года по делу «Пичугин против России» (*Pichugin v. Russia*), жалоба № 38623/03, пункт 199). Хотя не имеется причин полагать, что государственные должностные лица действовали

недобросовестно, имеется определенная степень осторожности в отношении доказательств, полученных таким способом. В то же время, по-видимому, составление и оценка таких отчетов в качестве доказательства в соответствии с КоАП не регулировались определенными правилами или положениями (см., для сравнения, постановление по делу Сетон, упомянутое выше, пункты 65-66).

101. Суд не удовлетворен тем, что в обстоятельствах настоящего дела приговор заявителю был вынесен в результате справедливого слушания, так как он был основан на непроверенных доказательствах, представленных полицейскими, которые находились у истока судебных разбирательств и которые являлись сотрудниками органа власти, возбудившего дело. Уравновешивающих факторов (а именно, допрос К. согласно ходатайству стороны защиты на суде) было недостаточно в контексте настоящего дела.

102. Суд ранее рассматривал жалобы против России связанные с административными разбирательствами в отношении лиц, которым были предъявлены обвинения в нарушении правил поведения в ходе массовых мероприятий или неподчинения приказам полиции разойтись. В ходе таких разбирательств суды принимали замечания полиции с легкостью и однозначностью, и отказывали заявителям в возможности представления доказательств противоположного. Суд постановил, что в споре об основных фактах, определяющих обвинения, в случае, когда единственными свидетелями стороны обвинения являлись полицейские, которые играли активную роль в оспариваемых событиях, суды были обязаны использовать все возможности для проверки соответствующих инкриминирующих показаний (см. постановление Европейского Суда от 13 декабря 2016 года по делу «Каспаров и другие против России (№ 2)» (*Kasparov and Others v. Russia (no. 2)*), жалоба № 51988/07, пункт 48, и дела, упомянутые в нем).

103. Суд заключает, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении права заявителя на справедливое разбирательство.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

104. Заявитель жаловался, что имело место вмешательство в его свободу выражения мнения, осуществленное незаконным и несоразмерным способом, в нарушение статьи 10 Конвенции, соответствующие части которой гласят:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка в целях предотвращения беспорядков или преступлений...».

А. Приемлемость жалобы

105. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Кроме того, Суд отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

Б. Существо жалобы

1. Аргументы сторон

(а) Власти

106. Власти указали, что компетентный орган власти не был уведомлен о шествии, запланированном для проведения 16 июля 2006 года на Невском проспекте. Отсутствие такого уведомления привело к незаконности шествия. Отдельные демонстранты вели себя «деструктивно», явным образом нарушая порядок и создавая реальную угрозу собственной безопасности и безопасности других лиц. Они не прекратили свои незаконные действия и не разошлись, несмотря на вмешательство полиции. Более того, они оказали активное сопротивление полиции. Приблизительно сорок человек были задержаны.

107. Незаконность демонстрации не оказала прямого влияния на административное задержание заявителя и последующее привлечение его к ответственности за правонарушение. Ни досудебные документы, ни решения судов не включают указаний на незаконность демонстрации в качестве основной причины доставления заявителя в отделение полиции, его удержания там и вынесения приговора. Более того, апелляционный суд явным образом принял во внимание, в качестве смягчающего обстоятельства, «пассивную роль» заявителя в ходе незаконной демонстрации. Суды оценили законность мероприятия в степени, относящейся к оценке законности распоряжений, данных заявителю полицией. Действия полиции при доставлении заявителя в отделение полиции соответствовали разделам 5 и 11 Закона о полиции.

108. Власти указали, что обстоятельства дела не указывали на вмешательство в свободу выражения мнения заявителя. Заявитель был

задержан и был подвергнут преследованию за неподчинение законному приказу полиции, а не в связи с осуществлением его свободы на выражение или получение информации. Заявитель, «который считал себя журналистом», должен был предвидеть последствия его присутствия в непосредственной близости от незаконного массового мероприятия и последствия активного сопротивления полиции.

109. Даже предполагая, что имело место вмешательство в соответствии со статьей 10 Конвенции, Власти все еще настаивали на том, что внутригосударственные органы власти действовали законно и преследовали законную цель по поддержанию надлежащего порядка. Суды надлежащим образом приняли во внимание обстоятельства дела, включая прибытие заявителя в Россию и его присутствие рядом с местом проведения мероприятия. Более того, суд указал достаточные причины для применения наказания в виде лишения свободы на двое суток.

(б) Заявитель

110. Заявитель указал, что крупномасштабное мероприятие, организованное властями, и протесты в связи с этим относились к значительным общественным интересам. Свобода освещения таких вопросов не может быть ограничена аккредитованными журналистами или основными СМИ. Хотя карта аккредитации или особое удостоверение личности не могут предоставлять доступ к определенным мероприятиям или предоставлять определенные привилегии, таковые не являются предварительным условием для выполнения работы журналиста или поиска, получения и распространения информации.

111. Власти признали, что незаконность демонстрации не оказала прямого влияния на законность задержания, содержания под стражей и признания заявителя виновным. В частности, апелляционный суд отметил «пассивную роль» заявителя в мероприятии. Таким образом, фактической причиной вышеупомянутых мер в отношении заявителя являлась его деятельность как журналиста в ходе мероприятия, а именно, поиск, получение и намерение распространять информацию. Он фотографировал и постоянно пытался выделиться (на фоне других) как журналист. В начале задержания он сообщил полицейским (и впоследствии – полицейским в полицейском автомобиле и в отделении полиции, и впоследствии – в суде), что он являлся журналистом, освещающим протесты. «По возможности», он предъявлял свое международное удостоверение журналиста, выданное Международной федерацией журналистов. Впоследствии его представитель и украинский консул также подтвердили его статус журналиста.

112. В своих комментариях в ответ на замечания третьих сторон в Суде, заявитель также добавил, что в период рассматриваемых событий он «принимал участие» в работе Международного медиацентра (*Indymedia*). Перед саммитом Большой восьмерки он был освобожден от заданий на телевидении и сосредоточился на медиа-работе в рамках LINK – российской Группы свободной информации и новостей. В его задачи входило распространение в сети Интернет пресс-релизов и информации о протестах, обеспечение связи журналистов и протестующих, и освещение вопросов, поднятых активистами. Несмотря на то, что по состоянию на момент задержания заявитель не был одет в отличительную одежду и не имел отличительных знаков журналиста, он не принимал участия в протесте. Реалии освещения протестов не всегда позволяли журналисту отличаться в среде, характеризующейся высокими рисками.

113. Опираясь на замечания третьих сторон в настоящем деле, заявитель возразил, что журналисты играли важную роль в сборе и распространении информации, особенно в ходе протестов, и имели право на определенную защиту в соответствии со статьей 10 Конвенции, независимо от того, имела ли журналистская деятельность место в результате деятельности ведущих СМИ или в результате феномена «гражданских журналистов».

114. Даже признавая, что могло быть трудно различить демонстрантов и других людей, присутствующих на месте (наблюдателей или репортеров), власти, включая суды, были обязаны установить и оценить обстоятельства определенного дела и провести соответствующие различия. В настоящем деле органы власти постоянно игнорировали доказательства, подтверждающие статус и функции заявителя. Органы власти в деле заявителя игнорировали свое обязательство по особой защите журналистов и их право на поиск и получение информации, включая таковые в рискованных ситуациях.

115. Подробное освещение событий в контексте саммита Большой восьмерки имело дополнительную ценность, учитывая незначительное внимание со стороны ведущих СМИ к протестам и вопросам, поднятым протестующими. Согласно сообщениям различных организаций, Саммит Большой восьмерки характеризовался широкомасштабными нарушениями прав человека. Задержание и содержание заявителя под стражей были направлены на предотвращение освещения определенного массового мероприятия, тем самым нарушая право общества на получение информации. Несоразмерные меры, принятые в отношении заявителя, а также последующая высылка из России, имели определенный сдерживающий эффект. Такой эффект был усилен посредством расширения

репрессивного характера российского законодательства в отношении массовых мероприятий.

2. Замечания третьих сторон

(а) Власти Украины

116. Выступая в качестве Государства гражданства заявителя, украинские власти процитировали прецедентную практику Суда, указав на важную роль СМИ в предоставлении информации о действиях органов власти в отношении публичных демонстраций и беспорядков. Также повторялось, что роль СМИ в качестве независимых наблюдателей предполагала определенную значимость в таких обстоятельствах, так как их присутствие являлось гарантией того, что органы власти понесут ответственность за свое поведение в отношении демонстрантов и общества в целом, когда дело относится к полицейскому контролю крупномасштабных собраний, включая способы контроля или разгона протестующих. Следовательно, любая попытка удалить журналистов с места проведения демонстраций должна быть подвергнута тщательному рассмотрению (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Пентикайнен против Финляндии» (*Pentikäinen v. Finland*), жалоба № 11882/10, пункт 89, ECHR 2015).

117. В данном контексте, вопросы, связанные с разрешением демонстраций, не должны влиять на вопрос доступа журналистов к освещению таких демонстраций. Запрет наблюдения и освещения такой «несанкционированной» демонстрации лишает журналиста возможности исполнения своих профессиональных функций. При удалении журналиста с места проведения массового мероприятия должен быть соблюден справедливый баланс между общественными интересами в отношении предотвращения беспорядков и свободой выражения мнения журналиста, без умаления роли СМИ как независимого наблюдателя.

(б) Совместные замечания «Инициативы правовой защиты средств массовой информации», СТАТЬЯ 19 и «Центра защиты средств массовой информации»

118. Лица, осуществляющие вмешательство, указали, что рамки защиты, предоставленные согласно статье 10 Конвенции, следует толковать с учетом внутригосударственных и международных норм свободы прессы и сбора новостей, чтобы обеспечить возможность выполнения журналистами своей сторожевой функции эффективным и реальным способом, в частности, в контексте протестов.

119. Дело Пентикайнен, решение по которому было принято Судом с учетом определенных обстоятельств указанного дела, следует

толковать способом, который не имеет непреднамеренного «охлаждающего эффекта» для журналистов, освещающих протесты, и, фактически, не подвергает персонал СМИ серьезной опасности. В частности, любое общее требование к ношению одежды, позволяющей отличать их от протестующих, и явной демонстрации значков журналистов в ходе протестов не учитывает возникающей концепции «журналистики» и реалий освещения протестов в различных контекстах. Лица, осуществляющие вмешательство, также подчеркнули, что «журналистика» больше не рассматривается в качестве «профессии», а скорее в качестве «функции». В соответствии с международными стандартами, обязательное лицензирование или регистрация журналистов являлись несовместимыми с правом на свободу выражения мнения; по необходимости, схемы аккредитации должны быть специализированными, справедливыми и обоснованными, и их применение должно быть прозрачным.

120. В определенных обстоятельствах требование к ношению отличительной одежды могло угрожать правам журналистов в соответствии со статьями 2, 3 и 10 Конвенции.

3. Оценка обстоятельств дела Европейским Судом

(а) Существование и сфера «вмешательства со стороны государственного органа власти»

121. Отмечено, что заявитель был подвергнут преследованию и признан виновным в соответствии со статьей 19.3 Кодекса, которая не относится к нарушению процедур в отношении массовых мероприятий или осуществлению свободы собраний. В ходе национальных судебных разбирательств и в Суде заявитель постоянно утверждал, что имело место предположительно незаконное и несоразмерное «вмешательство» в его свободу на получение и распространение информации, и отрицал свое участие в демонстрации.

122. Суд повторяет, что в делах, связанных с массовыми мероприятиями, имеется тесная связь между свободами, защищенными в соответствии со статьями 10 и 11 Конвенции. В контексте настоящего дела, Суд заключает, что надлежит рассмотреть настоящую часть жалобы в соответствии со статьей 10 Конвенции с учетом, в надлежащей степени, общих принципов, установленных в контексте статьи 11.

123. Не отрицается тот факт, что заявитель пытался сделать фотографии демонстрации, тем самым осуществляя сбор «информации», и что он намеревался «распространить» такую информацию посредством обработки фотографий с целью распространения (см. пункт 9 выше). Суд считает, что действия органов власти в отношении заявителя (его задержание, содержание

под стражей и преследование) привели к «вмешательству» в соответствии со статьей 10 Конвенции. Сбор информации является обязательным подготовительным этапом в журналистике, а также неотъемлемой и защищенной частью свободы прессы (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «Сатакуннан Марккинапорсси Ой и Сатамедия Ой против Финляндии» (*Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland*), жалоба № 931/13, пункт 128). Свобода выражения мнения включает публикацию фотографий (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Вон Ханновер против Германии (№ 2)» (*Von Hannover v. Germany (no. 2)*), жалобы №№ 40660/08 и 60641/08, пункт 103, ECHR 2012).

124. Вопрос о том, идентифицировал ли заявитель себя в качестве журналиста своевременно и надлежащим способом в ходе демонстрации и последующих судебных разбирательств, может относиться к оценке основания для «вмешательства».

(б) Обоснованность вмешательства

125. Оспариваемые меры влекут нарушение статьи 10 Конвенции, за исключением случаев, когда они предписаны законом, преследуют хотя бы одну из законных целей, упоминаемых в пункте 2 статьи 10, и являются «необходимыми в демократическом обществе».

126. Суд должен убедиться в том, что законность, законная цель и насущная социальная необходимость, обосновывающие «вмешательство», имели место в течение всех его этапов, а именно, в ходе удаления заявителя с места проведения демонстрации, его содержания в отделении полиции и его приговора к административному содержанию под стражей.

(i) Вопрос о том, было ли такое вмешательство «предусмотрено законом»

127. Суд отмечает, что в Законе о публичных мероприятиях (раздел 16) излагаются основания и процедура для прекращения публичного мероприятия, включая возможность сотрудника правоохранительных органов принять необходимые для этого меры. Так как заявитель не представил определенных аргументов в отношении законности действий полиции в связи с разгоном демонстрации, Суду нет необходимости делать заключения в данном отношении в настоящем деле. Что касается содержания заявителя в отделении полиции, принимая во внимание выводы, приведенные в пункт 65 выше в отношении пункта 1 статьи 5 Конвенции, Суд заключает, что указанный аспект вмешательства не был «предусмотрен законом» по смыслу статьи 10 Конвенции.

128. Также отмечено, что заявитель был подвергнут преследованию, признан виновным и приговорен к наказанию в

соответствии со статьей 19.3 КоАП. В настоящем деле не было представлено аргументов в отношении законности такого преследования. Принимая во внимание замечания заявителя, Суд предпочитает рассмотреть соответствующие вопросы в рамках оценки, приведенной ниже.

(ii) Имело ли преследование заявителя за административное правонарушение «законную цель» и являлось ли «необходимым в демократическом обществе»

129. Суд отмечает, что жалоба заявителя, поданная в Суд, главным образом относится к его преследованию и приговору в виде административного содержания под стражей. Таким образом, целесообразно установить цели, лежащие в основе преследования за административное правонарушение, а также цели, лежащие в основе норм, несоблюдение которых было косвенно связано с составом соответствующего правонарушения. Суд отмечает, что правонарушение в соответствии со статьей 19.3 КоАП относится к главе КоАП о правонарушениях против распоряжений властей. В определенном контексте настоящего дела, предполагаемое неподчинение официальным распоряжениям имело место в контексте массового мероприятия, которое считалось незаконным, так как органы власти не были заранее уведомлены о нем. Суд принимает тот факт, что преследование может быть направлено на предотвращение беспорядков.

130. В постановлении по делу Пентикайнен (упомянуто выше, пункт 89), подчеркивая неотъемлемую функцию, которую СМИ выполняют в демократическом обществе, к примеру, в отношении предоставления информации о действиях органов власти в отношении публичных демонстраций и беспорядков, Суд указал, что любая попытка удаления журналистов с мест проведения демонстраций должна быть подвергнута «тщательному рассмотрению» (см. также постановление Европейского Суда от 9 февраля 2017 года по делу «Селмани и другие против бывшей Югославской Республики Македония» (*Selmani and Others v. the former Yugoslav Republic of Macedonia*), жалоба № 67259/14, пункт 75). По мнению Суда, такой же подход с «тщательным рассмотрением» применим к связанным последующим мерам, таким как преследование за предполагаемое правонарушение в связи с демонстрацией.

131. На внутригосударственном уровне или в Суде не оспаривалось то, что по состоянию на момент рассматриваемых событий заявитель являлся «журналистом», как минимум, согласно определению такого термина в российском законодательстве (см. пункт 32 выше). Не оспаривается тот факт, что утром 16 июля 2006 года заявитель действовал не в соответствии с журналистским заданием какого-либо

СМИ (см., для сравнения, постановление по делу Пентикайнен, упомянутое выше, пункты 10 и 92, и постановление Европейского Суда от 7 мая 2015 года по делу «Эмин Хусейнов против Азербайджана» (*Emin Huseynov v. Azerbaijan*), жалоба № 59135/09, пункты 87 и 90; см. также постановление по делу *Селмани и других*, упомянутое выше, пункты 5, 61 и 73). Тем не менее, Суд не видит причин сомневаться в том, что заявитель, действуя в качестве журналиста, намеревался осуществлять сбор информации и фотографий о соответствующем мероприятии и распространять их в обществе посредством СМИ (см. пункт 9 выше).

132. Соответственно, по мнению Суда, заявитель мог полагаться на защиту, предоставленную прессе согласно статье 10 Конвенции.

133. В связи с этим, органы власти должны были счесть надлежащим, на предварительном этапе судебных разбирательств, и, тем более, в ходе рассмотрения дела заявителя, рассмотрение вопроса о том, являлись ли его предполагаемые действия допустимыми или иным образом смягченными, принимая во внимание его аргумент о том, что он действовал в качестве журналиста. Тем не менее, внутригосударственные решения не содержат адекватной оценки указанного аспекта дела.

134. Со своей стороны, Суд не видит соответствующих и достаточных причин для распоряжений, данных полицией заявителю. Ничто в материалах дела не подтверждает того, что демонстрация не являлась мирной или что она стала насильственной, что неявно подразумевалось Властями Государства-ответчика, хоть и необоснованно (см. пункт 106 выше; см., для сравнения, постановление по делу Пентикайнен, упомянутое выше, пункты 93 и 96). Ни один из материалов, представленных в Суд, не предполагает, что такие обстоятельства были надлежащим образом рассмотрены на внутригосударственном уровне, к примеру, в ходе разбирательств по делу об административном правонарушении в отношении заявителя. Также стороны не представили в Суд определенных замечаний по вышеупомянутым вопросам.

135. Суд отмечает, что законная цель по предотвращению беспорядков имела значительный вес в постановлении по делу Пентикайнен (упомянуто выше, пункт 94). В этом отношении настоящее дело отличается.

136. Суд принял во внимание замечание Властей о том, что незаконность демонстрации не оказывала прямого влияния на административное задержание заявителя и его последующее преследование за совершение правонарушения. Власти также указали, что ни досудебные документы, ни решения суда не указывали на незаконность демонстрации как на основную причину вынесения соответствующего приговора. Более того, апелляционный суд явным

образом принял во внимание, в качестве смягчающего обстоятельства, «пассивную роль» заявителя в ходе демонстрации.

137. Несмотря на замечание Властей, Суд не считает, на основании внутригосударственных решений, что суды оценили законность мероприятия, в частности, в степени, относящейся к оценке законности распоряжений, данных заявителю полицией. Решения судов не содержат оценки соразмерности вмешательства в свободу выражения мнения заявителя или в свободу мирных собраний заявителя, если принимается, что заявитель принимал участие в незаконном мероприятии в качестве демонстранта, как было указано органами власти и Властями Государства-ответчика в Суде.

138. Заявитель особым образом подчеркнул недостатки обоснований, приведенных внутригосударственными органами власти. Обе стороны ходатайствовали перед Судом о повторном рассмотрении соразмерности «вмешательства», несмотря на то, что они не пришли к согласию в отношении определенных обстоятельств, имеющих значение для такой оценки. Суд, со своей стороны, не удовлетворен тем, что причины, указанные внутригосударственными органами власти в качестве оснований для «вмешательства» в соответствии со статьей 10 Конвенции, являлись достаточными для административного наказания заявителя к двум дням лишения свободы. Столкнувшись с тем, что внутригосударственные суды не указали причин, соответствующих и достаточных для обоснования вмешательства, Суд заключает, что внутригосударственные суды не применили стандартов, соответствующих принципам, которые приведены в статье 10, или не основывались на приемлемой оценке соответствующих фактов (см. аналогичное обоснование в постановлении Европейского Суда от 26 января 2017 года по делу «Терентьев против России» (*Terentyev v. Russia*), жалоба № 25147/09, пункт 24, и постановление Европейского Суда от 25 июля 2017 года по делу «Анненков и другие против России» (*Annenkov and Others v. Russia*), жалоба № 31475/10, пункт 139).

139. Вышеупомянутые соображения в отношении преследования и признания заявителя виновным, а также заключение Суда, приведенное в пункте 127 выше в отношении лишения свободы до суда в отделении полиции, в настоящем деле являются достаточными для того, чтобы Суд мог сделать вывод о нарушении статьи 10 Конвенции.

140. Суд считает, что в настоящем деле нет необходимости в дополнительных выводах в отношении удаления заявителя с места проведения демонстрации.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

141. Статья 41 Конвенции предусматривает следующее:

«Если Суд приходит к заключению, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

142. Заявитель требовал 7 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

143. Властями комментарии представлены не были.

144. Суд присуждает заявителю указанную сумму, плюс любой налог, которым может облагаться указанная сумма.

Б. Расходы и издержки

145. Заявитель также требовал 75 000 украинских гривен в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных им во внутригосударственных судах и в Европейском Суде.

146. Властями комментарии представлены не были.

147. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, учитывая полученные документы и вышеуказанные критерии, Суд полагает, что разумно присудить сумму 2 000 евро, покрывающую все расходы в отношении разбирательств в Суде, плюс налог, который может взиматься с заявителя.

В. Проценты за просрочку платежа

148. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежа должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка, плюс три процентных пункта.

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *объявил* данные жалобы согласно пункту 1 статьи 5, статье 6 и статье 10 Конвенции – приемлемыми;
2. *постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции;
3. *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования к объективной беспристрастности;
4. *постановил*, что имело место нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования к справедливости;
5. *постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
6. *постановил*,
  - (а) что Государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления постановления в законную силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить заявителю следующие суммы, по курсу, установленному на день выплаты:
    - (i) 7 000 (семь тысяч) евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального ущерба;
    - (ii) 2 000 (две тысячи) евро плюс любой налог, которым может облагаться эта сумма, в качестве компенсации судебных расходов и издержек;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки, плюс три процентных пункта;
7. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление в письменной форме направлено 13 февраля 2018 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс

Секретарь

Хэлена Йодерблом

Председатель